

Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье проводится сравнение идеи цифрового государства, понимаемого как платформа, на которой создается система сервисов, с пониманием государства в русской культурной традиции. Полагается, что адекватное отражение на философском уровне этой традиции представлено в трудах русских мыслителей, утверждавших, что задачей государственной власти должно стать утверждение духовного единства народа, и что решение этой задачи предполагает взаимное признание духовного достоинства власти и человека, находящегося перед ее лицом. В статье обращается внимание на необходимость избегать «цифровой эйфории» и важность постоянной постановки решений, принимаемых на основе «хороших» технологий, перед судом тех ценностей, с которыми связано духовное достоинство человека.

Ключевые слова: цифровое государство, русская традиция, духовное достоинство, доверие к власти

Для цитирования: Александров В. Б. Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 16–21.

The Idea of the Digital State in the Face of the Russian Cultural Tradition of Understanding of Sense of the Government

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

In article comparison of the idea of the digital state understood as the platform on which the system of services, with understanding of the state in the Russian cultural tradition is created is carried out. It is believed that an adequate reflection at the philosophical level of this tradition is represented in the works of Russian thinkers who argued that the task of state power should be to assert the spiritual unity of the people, and that the solution of this task implies mutual recognition of the spiritual dignity of the power and the person before it. In article the attention to need to avoid “digital euphoria” and importance of constant statement of the decisions made on the basis of “good” technologies before court of those values with which the spiritual dignity of the person is connected is paid.

Keywords: The Digital state, the Russian tradition, spiritual advantage, trust to the power

For citing: Aleksandrov V. B. The Idea of the Digital State in the Face of the Russian Cultural Tradition of Understanding of Sense of the Government // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 16–21.

Словесная конструкция «цифровое государство» в последнее время получила широкое распространение как в публицистике, так и в работах, претендующих на

статус научных исследований. Ее востребованность обусловлена вполне очевидными перспективами и уже имеющимися результатами применения электронных технологий в документообороте, осуществляемом во многих государственных институтах. Вместе с тем данная конструкция явно или неявно формирует ментальную тенденцию нового взгляда на само государство, смыслы его существования, принципы взаимоотношения власти и рядовых граждан. Это обстоятельство делает, на наш взгляд, актуальным определение мировоззренческих следствий, вытекающих из идеологии «цифрового государства», с которыми могут быть связаны неоднозначные процессы в самых различных сторонах общественной жизни. Влияние этих следствий на общественную жизнь во многом будет зависеть от того, как они «ложатся» на отечественную культурную традицию понимания государства и задач, которые оно призвано решать в обществе.

В данной статье мы попытаемся соотнести представление о «цифровом государстве», получающее распространение в публикациях последних лет, и принципиальные положения о природе государственной власти, сформулированные русскими философами, выразившими отечественную традицию понимания сущности государства и его роли в общественной жизни.

В своем рассмотрении мы оттолкнемся от достаточно характерной расшифровки смысла идеи «цифрового государства», которая содержится в докладе Центра стратегических разработок А. Л. Кудрина. Здесь государство понимается как платформа, на которой создается система сервисов («цифровая экосистема»), призванная обеспечить удовлетворение всех востребованных услуг в электронной форме.

В свете такого подхода меняется представление о способах взаимоотношения человека и государства. Человек будет вступать в отношения с государством не как живой, физический субъект, а через посредство своего «цифрового двойника».

Общий смысл аргументации в пользу предлагаемой модификации государства — это снижение затрат на общегосударственные расходы, скорость принятия решений, снижение нагрузки по представлению отчетности (для бизнеса). Для граждан это должно обернуться повышением качества и скорости предоставления услуг, минимизацией контактов с государственными органами и т. п.

Нельзя не согласиться, что развитие взаимоотношения человека и государства в такой форме выводит это взаимоотношение на новый уровень, облегчая человеку решение многих «бумажных» проблем.

Однако есть опасение, что увлеченность подобного рода совершенствованиями, еще раз подчеркнем весьма важными и соответствующими духу времени, приведет к изъятию из сферы государственной жизни человеческого измерения, наполнявшего смыслом отношение человека к государству на всем протяжении его истории, не говоря уже о теме государственной власти.

Очевидно, что роль государства нельзя свести исключительно к сервисной деятельности. Существует целый ряд ситуаций, в которых «оцифровка» взаимоотношений человека, общества и государства является недопустимой и разрушающей само понимание государства как особого общественного института, укорененного в истории и культурной традиции. Это прежде всего касается выработки и принятия стратегических решений, экстремальных ситуаций, возникающих в сфере международных отношений, экономике, изменений в социальной политике, решений в условиях разного рода природных катаклизмов, да и попросту жизненных проблем конкретных людей. К числу таковых, в частности, относится целый ряд проблем из числа тех, с которыми люди обращаются к В. В. Путину во время прямых линий.

Кроме того, следует также иметь в виду отмеченное выше обстоятельство, согласно которому «приживаемость» разного рода организационных новаций зависит

от степени их адекватности культурной традиции, ментальности тех социальных категорий, которых данные новации касаются.

Если говорить о России, то здесь существует особая традиция понимания смысла государства и государственной власти. Эта традиция нашла свое глубокое и всестороннее выражение в русской религиозной философии.

Основные черты понимания государства русскими мыслителями могут быть сведены к следующим положениям.

Первое и основополагающее, из чего исходят русские мыслители при ответе на данный вопрос, заключалось в понимании государства как объединяющего общество начала, как носителя высших смыслов и ценностей, являющихся основой целостности общественной жизни. По словам И. А. Ильина, «Сущность государства состоит в том, что *все его граждане* имеют помимо многих различных, противоположных или одинаковых интересов и целей, *одну, единую цель и один, общий интерес*» [2, с. 268].

Второе положение касается истоков легитимности государства, его права на статус источника и защитника ценностей, призванных объединить общество. Такие истоки видятся русским мыслителям в истории народа, где оно обретает себя, свой сакральный и даже мистический характер. Эту мысль отчетливо формулирует Бердяев: «Государство есть особого рода реальность, неразложимая на элементы чисто человеческие и на чисто человеческие интересы. Бытие государства есть факт мистического порядка. Государство не выводимо ни из каких человеческих интересов и расчетов...» [1, с. 54]. История государства, по Бердяеву, неразрывно связана с судьбой народа; оно формулирует и реализует тот план, который эту судьбу определяет. «Государство есть некая ценность, и оно преследует какие-то большие цели в исторической судьбе народов и человечества» [Там же, с. 63].

Третье положение касается содержания того единства, на которое в первую очередь должна быть направлена консолидирующая деятельность государства. В качестве такового ими рассматриваются не технические условия обеспечения частных интересов и удобства в их удовлетворении, а некоторое духовное единство, связанное с чувством причастности к своей истории. Согласно Ильину, «Объективная природа государства определяет его высшей целью, его единым и неизменным заданием. Это задание состоит в *ограждении и организации духовной жизни людей, принадлежащих к данному политическому союзу*» [2, с. 267]. Развивая эту мысль, философ отмечает, что «государство есть разновидность организованного сожительства; а в основе всякого сожительства людей, если оно не унижительно для них и не эфемерно, лежит *духовная однородность* и общность *духовной культуры*» [Там же, с. 269].

Четвертое положение касается содержания духовного единства, тех ценностей, которые должны в первую очередь культивировать государство. Согласно русским философам, духовное единство — есть условие духа патриотизма, укрепление которого важнейшая задача государства, которая как бы отодвигается на второй план процессами технологического совершенствования отношений гражданина и государства. По Ильину, «*государство есть положительно-правовая форма родины, а отечество составляет истинное содержание политики*» [Там же, с. 270]. Погруженность в технологические, конкретные жизненные проблемы вуалирует основной смысл государственной власти. По словам Бердяева, «государство не есть способ устройства ватерклозетов... сила государства имеет не утилитарную цель, не для мещанского благополучия людей она существует, а для выполнения более высокой миссии» [1, с. 63]. Бердяев выступает против буржуазного экономизма, забывающего о священной сущности государства, «столь непохожего по стилю своему на современный торгово-промышленный империализм» [Там же, с. 64].

Отмеченные выше черты представлений русских философов о природе государства подводят к заключению о необходимости видеть опасность потери в погоне за технологическими совершенствованиями главного смысла существования государства — объединения граждан вокруг некоторых фундаментальных ценностей, «наработанных» историческим опытом народа и составляющих основу его идентичности. Отсутствие такого единства превращает общество в конгломерат индивидов, успешно удовлетворяющих свои потребности в государственных услугах, оно «разрушает политический союз и превращает народ во множество разъединенных атомов... и в конце концов духовный атомизм и своекорыстие остаются последним словом этого противополитического разброда» [2, с. 268]. Думается, что аналогичный результат можно получить и при абсолютизации возможностей «цифрового государства».

В этой связи нам представляется, что возможность подобной трансформации образа государства заключена в самом термине «цифровое государство». Это, казалось бы, удобное выражение, ставшее по сути дела мемом, подводит к мысли о том, что цифра исчерпывает суть государства. Хочется думать, что наиболее ответственные энтузиасты данного концепта не доводят идею до такого логического заключения, но никуда не деться от того, что данный термин сводит образ государства к своеобразной электронной машине, переводящей всю деятельность государства, государственную деятельность в цифровой формат.

Цифровые технологии, формализуя отношение человека и власти, могут маскировать ее особый интерес, не совпадающий и даже противостоящий как интересам граждан, так и задаче сохранения целостности общества, на пути культивирования общих духовных смыслов. Конечно, упрощение получения государственных услуг формирует определенную атмосферу благоприятного восприятия власти, ощущение уменьшения пресса бюрократических проволочек. Однако эта практика еще не выводит на восприятие государства как чего-то такого «за что можно было бы стоять на смерть». Как бы то ни было, оборотной стороной введения универсальных форм, поддающихся компьютерной обработке, оказывается обезчеловечивание отношения рядового гражданина с государством. В этих условиях естественным представлением о власти будет понимание ее как чуждой силы, имеющей свой собственный интерес.

В трудах русских философов содержатся указания на то, как преодолевается подобное отчуждение. Согласно И. А. Ильину, принципиальной установкой, из которой нужно исходить на этом пути, является рассмотрение в качестве основы взаимоотношения человека и власти правосознания, выражающего «душу народа» и побуждающего человека следовать нормам права. Оно формируется веками и отражает исторический опыт народа.

Правосознание не сводимо к некоторому соглашению по поводу полезности тех или иных норм взаимоотношения людей для сохранения целостности и гармонии общественной системы, удобств, необходимых для комфортного существования людей в обществе. Главным мотивом, побуждающим человека следовать нормам права, выступает духовное самоутверждение, предполагающее признание духовного достоинства другой стороны «правоотношения». «Правоотношение покоится на *взаимном духовном признании людей*... признать за кем-нибудь правовую обязанность, значит утвердить его правоспособность, т.е. признать его *духовную природу*» [2, с. 363].

Принципиальное значение для концепции русского мыслителя является понимание истока, через обращение к которому происходит утверждение духовного достоинства. Таковым выступает способность «...к восприятию и осуществлению *объективной высшей ценности*». Для Ильина это означает, что «человек должен пережить *реальную встречу с божественными содержаниями*, испытать и признать их *сродство со своею личною природою* и утвердить их в себе и себя через них» [Там же, с. 311–312].

Эта принципиальная позиция имеет значение не только для человека, принимающего религиозное мировоззрение. Атеистически мыслящий человек может остановиться на первой части приведенной выше мысли о том, что правовое поведение, ориентированное на другого человека, как субъекта духовного достоинства, предполагает способность к восприятию и осуществлению высшей ценности.

Именно этой установки не хватает составителям упомянутого выше доклада о государстве как цифровой платформе. В нем речь идет, прежде всего, о технической стороне дела, о возможности учесть максимальное число данных для принятия решения, для максимально полной оптимизации этого процесса. Вот характерные установки этого документа. «Качественно изменится принятие решений — в отрыве от медленного человекозависимого сбора и обработки данных из разных источников принятие решений в большой степени станет быстрым, системным, будет основываться на достоверных и надежных данных и человеконезависимых алгоритмах, включая искусственный интеллект. В системе государственного управления, как и в других управленческих системах, приходится принимать стратегические, тактические и операционные решения. Доступ к достоверным данным и технологиям их анализа изменит все типы решений (Изменение качества принимаемых решений), несмотря на то, что алгоритмизировать будет возможно, скорее всего, только операционные решения» [3, с. 20].

Такая оптимизация решений не учитывает того фактора, который Ильин определяет как душу народа, предполагающую духовное достоинство тех, к кому обращается государство со своими решениями.

Правда, в определенной степени ограниченность такого чисто технологического подхода осознается и самими авторами, когда они утверждают, что «алгоритмизировать будет возможно, скорее всего, только операционные решения». Однако эта оговорка не стала поводом для более глубокого понимания оснований принятия решений в системе государственного управления.

Надо сказать, что в настоящее время появляются высказывания, отражающие эту сторону дела. В этой связи представляет интерес вызвавшая большой резонанс статья В. Суркова «Долгое государство Путина». В ней справедливо отмечается, что упование на тонкие социальные технологии, которые становятся делом западного государства, проходит мимо той реальности, которую автор называет «глубинным народом». «Глубинный народ» живет своей жизнью и является почвой, в которой укоренена национально-культурная традиция. Несмотря на весьма общую характеристику данного понятия, ход размышления автора представляется справедливым, поскольку ориентирует на критический поиск тех границ, за которыми осмысленность идеи цифрового государства утрачивается. На первый план выходит доверие к власти, связанное с ощущением собственной духовной состоятельности и, что особенно важно, духовной состоятельности тех, кто представляет власть. Последнего обычно не хватает на самых разных уровнях управления, в том числе тех, которые непосредственно не включены в структуру государства или даже органа муниципальной власти, но от кого зависит решение жизненных проблем людей. Кстати говоря, отношения, складывающиеся на этом уровне, выступают своеобразной «моделью», по которой человек судит о справедливости и правомочности государственной власти. Отношение доверия должно быть присуще всем уровням управленческих отношений, существующих в обществе. Как отмечает В. Сурков, «современная модель русского государства начинается с доверия и на доверии держится. В этом ее коренное отличие от модели западной, культивирующей недоверие и критику»¹.

Все вышесказанное не означает призыва к отказу от перевода в электронный

¹ Владислав Сурков: Долгое государство Путина // Независимая газета. 11.02.2019.

формат многих функций, выполняемых государством. Речь идет лишь об опасности «цифровой эйфории» и необходимости постоянной постановки решений, принимаемых на основе «хороших» технологий, перед судом тех ценностей, с которыми связано духовное достоинство человека.

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли / Н. А. Бердяев, С. Л. Франк. Л. : Лениздат, 1991.
2. Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М. : Русская книга, 1994.
3. Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа: (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М. : Центр стратегических разработок, апрель 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Berdyayev N. A. Philosophy of Inequality. Letters to foes on social philosophy // Russian abroad. From the history of social and legal thought / N. A. Berdyayev, S. L. Frank. L. : Lenizdat, 1991. (In rus)
2. Ilin I. A. Collection of works : in 10 vol. Vol. 4. M. : Russian Book, 1994. (In rus)
3. Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. State as a platform: (cyber) state for digital economy. Digital Transformation [Electronic Resource]. M. : Center for Strategic Development, April 2018. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet.pdf. (In rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru